

— Я действительно не Погребенное Сердце! — Хоу Чэн настаивал, непрерывно ерзая на своем стуле в комнате для допросов. — Что вы хотите, чтобы я сказал?! Когда я сказал, что я — Погребенное Сердце, вы заставили меня сказать, что это не так! Теперь я признался, что это не так, а вы мне не верите!

Сяо Юань сел напротив него. Его осанка была величественной и утонченной, а голос теплым, но давление от его присутствия было сильным. Почти подавляющим. Он сказал:

— История, которую ты придумал, не убедительна.

В глазах Хоу Чэна мелькнуло сомнение. Он спросил:

— Как это не убедительно?.

Сяо Юань молча встретил его взгляд и выдержал его. Хоу Чэн нахмурил брови; через полминуты он смог отвести взгляд, его глаза снова беспокойно забегали по сторонам.

— Ты утверждаешь, что твоя история правдива. Не выдумка, — сказал Сяо Юань. — Если бы это было так, то ты бы ни за что не стал спокойно спрашивать, почему твоя история не убедительна. Если бы твоя история была правдивой, ты бы яростно отрицал утверждение, что это выдумка. Это был бы единственный логичный ответ.

Хоу Чэн стиснул челюсти, его щеки заметно порозовели от напряжения.

— Я не Погребенное Сердце, я просто помог сдать рукопись. Если Погребенное Сердце совершил преступление, найдите его. Найдите его! Отпусти меня!

— Я бы тоже хотел найти его, но где он может быть? — размышлял Сяо Юань.

Его голос был совершенно спокойным и ровным. Он говорил не слишком быстро и не слишком медленно. Любой обычный человек, слушающий его, почувствовал бы успокоение, но для тех, кто вынашивал в сердце злые намерения, этот голос был глубоко тревожным.

— Я же сказал, что не знаю! — возразил Хоу Чэн. — Я уже жалею, что помог ему, так что перестаньте заставлять меня говорить то, чего я не знаю!

— Я не буду тебя заставлять, — сказал Сяо Юань, — но я хотел бы услышать от тебя рассказ о том, как ты впервые встретил Погребенное Сердце. Я бы хотел, чтобы ты рассказал мне, что именно он сказал тебе, что убедило тебя подписать контракт с Синьюнь от его имени.

— Я уже рассказывал вам все это! — рассвирепел Хоу Чэн.

— Но ты не рассказывал мне, — сказал Сяо Юань. — Я имею полное право попросить тебя повторить свою историю еще раз. Конечно, ты имеешь полное право промолчать.

Глаза Хоу Чэна наполнились яростью. Звуки его тяжелого дыхания эхом разносились по комнате.

— Выбираешь молчание, да? — Сяо Юань приятно улыбнулся.

Хоу Чэн не ответил.

— Ты уже понял, что совершил ошибку, разыграв этот спектакль для нас, и эту ошибку уже не исправить, — сказал Сяо Юань. — И ты также знаешь, что чем больше ты говоришь, тем больше вероятность того, что ты ошибешься. Причина, по которой ты предпочитаешь молчать сейчас, заключается в том, что ты боишься, что скажешь мне что-то, противоречащее тому, что ты сказал раньше.

Веки Хоу Чэна, казалось, потяжелели от отчаяния. Когда он украдкой взглянул на Сяо Юаня, все еще склонившего голову, в его глазах стоял темный, мрачный туман.

***

Минг Шу остался в деревне Цинюэ, чтобы провести повторный обыск в доме Хоу Чэна, но он был рассеян. Он не мог не думать о старосте деревни Хоу Цзяньцзюне, а также о сыне Хоу Цзяне, который, как утверждали все жители деревни, не имел ни малейшего представления о сыновней почтительности.

В глазах семьи Минг Минг Шу, вероятно, тоже считался ребенком без чувства сыновней почтительности. Когда он был маленьким, он совсем не был близок со своими родителями, бабушкой и бабушкой по отцовской линии. Вместо этого он вел себя так, словно был ребенком семьи Сяо.

Позже, когда ему было семнадцать или восемнадцать лет, он даже взбунтовался и ушел из дома. Он отказался от проложенного для него пути и решил идти по стопам Сяо Юаня, преследуя его, не заботясь ни о чем на свете. Он не только сбежал, не обращая внимания на все угрозы, что его выбросят из семьи, но и опозорил своих родителей, выйдя из шкафа.

В семье Минг мужчина, любящий другого мужчину, считался пятном на фамилии.

Когда Минг Шу был маленьким, он боялся своих бабушку и бабушку и молча терпел побои. Но по мере взросления в нем росла уверенность и высокомерие. Он больше не хотел опускать голову. Он отказался терпеть физическое и словесное насилие, которое он испытал от рук своих бабушки и бабушки, и оставил все это позади, бросив семью, которая так долго была его клеткой, в погоне за своей мечтой и своим мужчиной.

Но даже если он не чувствовал сыновней обязанности перед своей семьей, он не был полностью лишен чувств к своим родителям.

Через много лет после того, как Минг Шу покинул дом, его отец приехал навестить его в город Донгье, передав сообщение от матери о том, как сильно они по нему скучают. Отец даже передал ему приглашение вернуться домой, чтобы навестить их, когда у него будет время.

Позже в том же году он вместе с Сяо Юанем отправился домой, чтобы вместе с родителями встретить Новый год. После этого между Минг Шу и его родителями возобновилась немного холодная, но мирная ниточка примирения, когда они просто не вмешивались в жизнь друг друга.

Между ними все еще существовала тонкая кровная связь. Хотя Минг Шу никогда не мог быть любящим сыном, он также не испытывал ненависти к своим родителям.

Приняв во внимание свой собственный опыт, Минг Шу еще немного поразмышлял над действиями Хоу Цзяна. И он не мог отделаться от мысли, что что-то в предполагаемых действиях Хоу Цзяна кажется не совсем нормальным.

По словам жителей деревни, Хоу Цзяньцзюнь потратил всю свою кровь, пот и слезы на воспитание Хоу Цзяна. Теперь, когда Хоу Цзян вырос, он не уважал и не восхищался своим отцом. Но даже если он не уважал и не восхищался им, для Хоу Цзяна было слишком экстремально отказываться от встречи с отцом, когда тот приходил к нему с подарками.

В год, когда Минг Шу помирился с родителями, отец подарил ему фирменные часы. Хотя Минг Шу никогда их не носил, он принял подарок и сказал спасибо.

То, что Хоу Цзян так упорно отказывался видеться с отцом, было просто странно. Могла ли быть какая-то другая причина его отказа?

Когда Минг Шу погрузился в раздумья, он вдруг услышал, как Фан Юаньхань окликнул его:

— Шеф! Что вы там делаете? Мы уже идем в подвал!.

Минг Шу пришлось на время отбросить мысли о Хоу Цзяньцзюне и Хоу Цзяне. Пройдя внутрь, он ответил:

— Иду.

В ветхом домике Хоу Чэна было всего три этажа — два надземных и один подвальный. Вся мебель была очень старой, а краска на стенах облупилась до такой степени, что почти вся сошла, но Хоу Чэн не удосужился ее подновить.

На первом этаже было довольно грязно, но второй этаж содержался в идеальной чистоте и порядке. Здесь было три спальни, и единственная, где дверь была закрыта на замок, была самой чистой. Можно сказать, что в этой комнате не было ни пылинки, но для посторонних от нее исходило мрачное ощущение.

Потому что на стене висела черно-белая мемориальная фотография пары.

Хоу Чэн потерял обоих родителей в раннем возрасте. На памятной фотографии на стене были изображены его умершие родители, а комната, в которой она висела, на самом деле была их спальней, пока они были живы.

— Когда вы видите это, вы должны думать, что Хоу Чэн был очень сыновним ребенком, — заметил Фан Юаньхан. — Его родителей нет уже несколько десятилетий, а он до сих пор каждый день убирает эту комнату. Все эти простыни и покрывала только что сменили. По сравнению с сыном Хоу Цзяньцзюня разница просто огромна.

Это действительно была поразительная разница. Минг Шу немного подумал, а затем позвонил Сяо Юаню.

— Возможно, я слишком остро реагирую, — сказал Минг Шу. — Но я начинаю думать, что с Хоу Цзянем что-то случилось.

Сяо Юань терпеливо слушал.

— Почему?

— Интуиция, — сказал Минг Шу. Он колебался секунду, затем добавил: — Нет, это не совсем интуиция. Если бы я был Хоу Цзянем, я бы не был таким холодным. Несмотря ни на что, если Хоу Цзяньцзюнь всегда заботился о нем и приходил к нему с подарком, Хоу Цзян не должен был отказываться от встречи с ним.

— Это обоснованное подозрение, — сказал Сяо Юань. — Я обсужу это с капитаном Хуа. Если он сочтет нужным, он может послать несколько человек в университет Луочэн для расследования.

Минг Шу издал звук подтверждения. Он уже собирался повесить трубку, когда Сяо Юань вдруг сказал:

— Подожди.

Минг Шу поспешно прижал телефон к уху.

— Заместитель Сяо?

— После того, как мы закроем это дело, отправляйся домой и отдохни несколько дней, — сказал Сяо Юань.

Минг Шу был немного ошеломлен. Он моргнул, его ресницы прикрыли глаза.

— Неужели настолько очевидно, что мое настроение сейчас нестабильно?

— Не очевидно, нет. Подозреваю, что я единственный, кто мог бы это заметить, — сказал Сяо Юань с мягким, ласковым смехом. — Не клейми себя "непочтительным" сыном. Просто манера общения между тобой и твоими родителями отличается от той, что есть в других семьях. Это не значит, что ты неискренний. Ты понимаешь?

На сердце Минг Шу мгновенно стало легче и теплее:

— Я понимаю.

— Тогда продолжай, — сказал Сяо Юань. — Заканчивай свою работу со спокойной душой.

Минг Шу спустился по ржавой металлической лестнице в подвал. Он сразу же почувствовал странный, трудноописуемый запах.

— Воняет! — пожаловался Фан Юаньхан, поспешно прикрывая нос и рот. — Что это за запах?

Подвал не был большим. Он был прямоугольной формы, без перегородок, площадью около семидесяти квадратных метров. В помещение, заваленное старыми пыльными коробками и сельскохозяйственным оборудованием, проникал лишь тусклый, мутный свет.

Минг Шу прошел вдоль стены и наклонился, чтобы посмотреть.

— Это гниющие арбузы и овощи.

— Что? — воскликнул Фан Юаньхан. — Он хранил здесь арбузы? И так много? Он что, с ума сошел?

— В подвале прохладнее, чем в остальной части дома. Это не такое уж странное место для хранения продуктов, — сказал Минг Шу. Как только он закончил говорить, в его голове промелькнула какая-то смутная мысль, или, возможно, идея. Но она исчезла в одно мгновение, прежде чем он успел ее схватить.

— А, понял, — сказал Фан Юаньхан. Он тоже начал рыться в коробках. — Тогда давайте начнем искать — о, черт! Здесь полно всякого хлама! Сверху это место выглядит как чей-то дом, а внизу — как свалка мусора!

Минг Шу также заметил, что многие вещи в подвале были бесполезны или сломаны. Здесь были даже разорванные картонные коробки и раздавленные алюминиевые банки.

— Хоу Чэн что-то скрывает, — сказал Минг Шу. Он начал постукивать по стене, расхаживая по периметру подвала. — То, что мы видим, это то, что он хочет, чтобы мы видели.

— То, что мы видим... — быстро проговорил Фан Юаньхан. В его голове зажглась лампочка. — Денег здесь нет!

— Но они не могут быть далеко отсюда, — сказал Минг Шу, продолжая передвигаться по комнате. Его ноги приземлились на небольшую коробку с изношенными и сломанными кассетами; они хрустели под ногами. — У Хоу Чэна было только два святилища. Его поле и его дом... вот здесь!

Сказав это Минг Шу обернулся:

— Дайте мне отвертку!

Фан Юаньхан судорожно посмотрел налево и направо, затем пробурчал:

— Я поднимусь и найду!

— Забудь об этом. — Минг Шу отступил на несколько шагов.

В мгновение ока его правая нога взлетела вверх, и он нанес сильный удар ногой по стене. С глухим стуком деревянный настил разломился пополам, раздавленный так же, как и кассеты на земле.

— Это... — Фан Юаньхан поспешил заглянуть внутрь и, пройдя мимо сломанной доски, обнаружил затемненную комнату. — Это темная комната?

Когда сломанные доски рухнули, то подняли настоящую бурю из пыли. Минг Шу взмахнул рукой, чтобы рассеять это облако, затем посветил в комнату и обнаружил, что это всего лишь небольшое помещение, размер которого едва достигал одного квадратного метра.

— Шеф, оставайтесь снаружи. — Фан Юаньхан быстро шагнул внутрь первым, чуть не поскользнувшись при этом.

— Будь осторожен, — предостерег Минг Шу. Он заметил, что земля внутри этого помещения отличается от земли в подвале. Она была похожа на грязь, влажная и скользкая, и на такой поверхности можно было легко поскользнуться.

— Я что-то вижу! — Фан Юаньхан осторожно подошел к левому углу. — Шеф, посветите сюда!

В углу были аккуратно сложены три запертых железных ящика.

Ящики были вынесены во двор. Замки были вскрыты. Внутри обнаружили стопки за стопками сто юаневых купюр.

— Наконец-то мы нашли это! — ликовал Фан Юаньхан. — Если Хоу Чэн не является Погребенным Сердцем, то откуда у него в доме столько денег? И почему он так хорошо их спрятал? Если мы покажем ему эти доказательства, он точно больше не сможет нам лгать!

Минг Шу, казалось, тоже готов был выдохнуть с облегчением, но в его сознании все еще жило неоспоримое чувство незавершенности.

Он потер виски, пытаясь вспомнить мысль, которая промелькнула у него в голове раньше, ту, что исчезла слишком быстро. Интуиция подсказывала ему, что эта мысль была невероятно важной. Но как бы он ни старался вспомнить, эта мысль не возвращалась к нему.

Купюры в ящиках были пересчитаны. Общая сумма составила 2,67 миллиона юаней. Это было ровно на девяносто тысяч юаней меньше, чем сумма, которую издательство заплатило Погребенному Сердцу после уплаты налогов.

Хоу Чэн смотрел видео, которое Минг Шу записал в подвале его дома. Цвет его лица постепенно менялся. Деревянный, полуживой взгляд его глаз рассеялся, словно туман и облака исчезли без следа. Наконец, он показал свое истинное лицо.

— Отлично. Я — Погребенное Сердце, — признался он, откинувшись на стуле и окинув Сяо Юаня ненавидящим взглядом. Он разразился холодным смехом. — Эти два миллиона принадлежат мне по праву. Я заработал их законным путем. Я могу сохранить их в банке, могу инвестировать или хранить в собственном доме. Разве в этом есть что-то странное?

— Ничего странного, — сказал Сяо Юань, оставаясь совершенно спокойным. — Единственной целью поиска этой суммы было доказать, что ты действительно являешься Погребенным Сердцем. И теперь ты признался.

Хоу Чэн насмешливо хмыкнул.

— Хох, теперь ты доказал, что я — Погребенное Сердце. И что теперь ты собираешься со мной делать? Я подписал контракт законно, я опубликовал свои книги законно, и я не совершал

налоговых махинаций. Какое право вы имеете держать меня под стражей?

— Тебя арестовал и держит под стражей Департамент общественной безопасности, а не я, — сказал Сяо Юань. — Ты пытался устроить сцену и вести хитроумную игру, но в итоге сами вырыли себе могилу.

— Ты...! — Хоу Чэн хлопнул обеими руками по столу. На его лице появилось мерзкое, зловещее выражение, но оно быстро сменилось извращенной улыбкой. — Верно, нанять проститутку было моей ошибкой. Я был неправ. Я больше никогда не буду этого делать. Лады? Платить за секс незаконно, хорошо, но это не какое-то чудовищное преступление. Я не сделал ничего плохого. Вы преподадите мне урок, а потом отпустите, да? Я клянусь, что вернусь и буду вести себя очень хорошо и писать книги. Я больше никогда не буду спать со случайными женщинами.

— Ты будешь вести себя "очень хорошо" и "писать книги?" — повторил Сяо Юань. — Ты хочешь сказать, что будешь использовать свои книги, чтобы подстрекать к насилию и пробуждать в читателях скрытое желание убивать?

Хоу Чэн издал удивленный вздох. Он был почти впечатлен, но взглянув на офицера, записывающего их сеанс, шлепнул себя по губам.

— Вы слышали его? Слушайте, слушайте! Разве такие слова должны исходить от настоящего, современного детектива?

Записывающий допрос офицер бросил взгляд на Сяо Юаня, на его лице появилось несколько сложное выражение, как будто он считал, что Сяо Юань действительно сказал что-то неподобающее.

— Видишь? Даже маленький полицейский знает, что так говорить нельзя, — сказал Хоу Чэн. — У меня есть полное право писать свои книги, и у меня есть полное право их публиковать. Что не так с вами, люди? Вы не там ловите настоящих убийц, а здесь выдвигаете против меня ложные обвинения? Автора саспенса?

— Я никогда не позволяю настоящему преступнику сбежать, — сказал Сяо Юань, — независимо от того, насколько невинно он себя упаковывает.

Воздух в комнате для допросов, казалось, постепенно становился все холоднее и холоднее. Огромное, невидимое давление давило на Хоу Чэна.

После недолгого молчания Хоу Чэн покачал головой.

— Ты говоришь бессмыслицу. Я не сделал ничего плохого, поэтому у меня нет причин "упаковывать" себя. Если бы мои книги были опубликованы незаконно, и ты бы сказал, что они

подстрекают к насилию, хорошо. Но так ли это? Были ли мои книги опубликованы незаконно? Нет! Я подписал договор с легальным издательством. Все детали четко прописаны в моем контракте черным по белому. В процессе рецензирования моих книг не было никаких проблем. Ты не работаешь в этой индустрии, ты не представляешь, как трудно в наши дни опубликовать книгу. Если бы в моей книге была хотя бы одна строчка, к которой цензоры отнеслись бы с недоверием, издатель разорвал бы наш контракт. Книга никогда бы не вышла на рынок.

Казалось, все это имеет смысл. Записывающий допрос офицер закивал.

— Если вы считаете, что с моими книгами есть проблемы, если вы считаете, что содержание плохое или бессовестное, тогда вам следует провести расследование в отношении издательства Синьюнь и их отдела Тайн. Какой смысл держать меня здесь? — Хоу Чэн продолжил. — Я просто пишу книги. Как они публикуются и продаются — не мое дело. Я даже не знаю, какой контент будет отвергнут издательством, но если они не отвергли мои книги, значит, их можно публиковать, не так ли? И мои книги продаются повсюду после публикации. Должен ли я знать, кто именно их покупает? Если преступник прочитал мою книгу, значит ли это, что моя книга виновна? Имею ли я, автор, какое-то отношение к этим убийцам? Задерживая и допрашивая меня, разве вы не показываете свою несостоятельность как детективов? Разве ваша работа не заключается в том, чтобы наказывать убийц, защищать общество? Теперь, когда вы не справились с этой задачей, вы пришли усложнить жизнь мне, скромному писателю?

Другой следователь в комнате для допросов заговорил, заявив:

— Хоу Чэн! Ты заходишь слишком далеко!

Хоу Чэн беззаботно пожал плечами.

— Что вы собираетесь делать теперь? Вымучивать из меня признание?

Сяо Юань безмятежно улыбался, не обращая внимания на слова Хоу Чэна.

— Ты действительно очень интересный человек. Благодаря своему природному таланту, ты добился очень хороших продаж в своей работе. Тем не менее, ты настаивал на создании ложной личности и водили нас, детективов, по кругу.

— Разве это повод подозревать меня в преступлении? — ответил Хоу Чэн. — Я автор саспенса. Мне нужно вдохновение, и я не стыжусь черпать вдохновение из собственной жизни. Пока я никому не причиняю вреда, разве есть что-то плохое в том, что я играю в эти маленькие игры со своей жизнью?

— Я не сказал, что это плохо, я только сказал, что ты довольно интересный человек. — Сяо Юань встал и посмотрел сверху вниз на Хоу Чэна.

Хоу Чэн поднял голову. Свет сверху лился на его лицо, освещая, как адамово яблоко покачивается от сдерживаемых эмоций.

Сяо Юань рассмотрел каждую деталь его выражения, а затем снова улыбнулся.

— Когда я встречаю интересного человека, я не против потрудиться, чтобы раскопать о нем еще более интересные истории.

Спина и плечи Хоу Чэна напряглись.

— Пока что вы останетесь под стражей Департамента общественной безопасности, — холодно заявил Сяо Юань. — Поскольку вы знакомы с остросюжетными романами, я уверен, вы прекрасно знаете, что чем больше убийца пытается скрыть преступление, и чем больше он пытается убрать место преступления, тем легче полиции поймать его. Погребенное Сердце, ты слишком много сделал и слишком много сказал. Из того, что ты мне сейчас рассказал, я получил совершенно новое откровение.

Выражение лица Хоу Чэна стало холодным.

— Ты посоветовал мне тщательней проверить дела издательства Синьюнь, не так ли? — сказал Сяо Юань. — Какое совпадение. Я как раз планировал это сделать.

Когда Минг Шу поспешил обратно в бюро в Луочэн, он как раз успел застать Сяо Юаня за кипячением воды для чая.

— Заместитель Сяо! — Минг Шу подбежал к нему и, убедившись, что поблизости никого нет, спросил шепотом: — Зачем ты завариваешь чай?

— Просто пробую что-то новое, — ответил Сяо Юань.

Он редко пил чай, но у него был очень элегантный и красивый способ его заваривать.

Когда Минг Шу гостил у семьи Сяо в их старом поместье, он видел, как Сяо Юань заваривает чай для уважаемых гостей, которых часто принимала семья. Минг Шу наблюдал за тем, как тонкие руки Сяо Юаня поднимают и перемещают старомодные предметы антикварного чайного сервиза, его пальцы и запястья танцуют, демонстрируя силу и ловкость в равной степени.

Это было зрелище, которое более чем радовало глаз.

И хотя Сяо Юань сейчас заваривал всего лишь пакетик чая, Минг Шу все равно решил, что его способ заваривания чая сильно отличается от обычного.

— Ты устал? — спросил Минг Шу с искренним беспокойством. — Ты охотно завариваешь себе чай, только когда устал. В остальное время ты пьешь только воду.

Сяо Юань на мгновение отставил чашку и улыбнулся.

— Когда ты расследуешь дело и вкладываешь в него всю душу, вполне естественно, что ты чувствуешь усталость. Ты ведь тоже висишь на волоске, не так ли?

Минг Шу ничего не мог сказать в ответ на этот аргумент. Он слегка нахмурился, протягивая руку за чашкой.

— Я только что вернулся, и я тоже хочу пить. Дай мне..!

Его требование "дайте мне чашку" так и не прозвучало до конца. Его грубо прервал сильный шлепок по тыльной стороне ладони. Минг Шу быстро отдернул руку и бросил взгляд на Сяо Юаня.

— Гэ, больно!

— Я только что налил кипятка, он слишком горячий, — предупредил Сяо Юань. Он взял бумажный стаканчик и наполовину наполнил его теплой водой. — Выпейте это.

Минг Шу посмотрел на стаканчик, но не протянул руку, чтобы взять его.

— Это просто вода, а я хочу что-нибудь со вкусом.

Сяо Юань некоторое время наблюдал за ним, пока Минг Шу не добавил:

— Ничего страшного, чай остынет через минуту. Я подую на него.

При этом Сяо Юань повернулся и выглянул в окно. Было уже темно.

— Пойдем.

— Хм? — Минг Шу снова потянулся за чаем, собираясь дуть на него, пока он не остынет.

— Пойдем прогуляемся, — сказал Сяо Юань. — Я куплю тебе что-нибудь выпить, что-нибудь ароматное.

Через десять минут у Минг Шу в руках был ледяной латте фраппучино, он шел рядом с Сяо

Юанем. В этот поздний час летняя жара только начинала спадать.

— Если Хоу Чэн будет придерживаться своей версии, мы окажемся в затруднительном положении. В конце концов, нам придется его отпустить, — сказал Минг Шу. — У нас нет никаких веских доказательств, подтверждающих, что он подстрекал к насилию. У нас есть только фраза: "Некоторые люди заслуживают смерти". Этого недостаточно, чтобы что-то доказать. Но если кто-то скажет, что Хоу Чэн совершенно невиновен в подстрекательстве к насилию, я тоже не смогу в это поверить. Существует множество авторов, пишущих в жанре саспенс, но Хоу Чэн — единственный, кто приложил столько усилий, чтобы скрыть свою личность. Только на основании одного этого он крайне подозрителен.

— Сегодня Хоу Чэн попытался отвлечь внимание от себя, указав нам на издательство Синьюнь, — сказал Сяо Юань. — Сейчас я думаю, что в истории публикаций работ Погребенного Сердца определенно есть что-то подозрительное.

Минг Шу сразу же подумал о главе отдела Тайн Лю Чжицяне. Когда этот человек услышал, что полиция расследует дело Погребенного Сердца...

Его реакция была невероятно странной.

<http://bllate.org/book/14859/1321890>